

К.Ф. Самохвалов (*Новосибирск*)

«Новый подход» Ершова и «трансцендентальный метод» Канта

(доклад на конференции «Математика и опыт», Красновиново, 8- 10
сентября 2000)

Господа! По-моему, вот уже более двухсот лет всем ясно, что говорить об априоризме, ничего не говоря при этом о Канте, как-то странно.

А между тем, согласно типичным *современным* прочтениям Канта, его эпистемологические взгляды либо ошибочны, либо темны.

Что? Доктрина априоризма несостоятельна?

Моя цель — заявить, что из своеобразного подхода к философии математики Ю.Л. Ершова можно извлечь некое такое прочтение Канта, при котором его эпистемология не выглядит ни ошибочной, ни тёмной, и которое, следовательно, на пользу априоризму.

Как все вы прекрасно знаете, Кант в «Критике чистого разума» и «Прологоменах» осуществил попытку обосновать взгляд, что в ходе научного познания встречаются синтетические суждения *a priori*.

Приступая к такой попытке, Кант, в принципе, мог бы пойти более или менее проторённой дорогой.

Он мог бы утверждать, следуя Платону, что разум обладает специальной способностью — *интуицией* — непосредственно усматривать (при условии, что удалось должным образом «повернуть глаза души») истинность некоторых синтетических высказываний.

Да Кант, собственно, так и делает, когда он развивает свои доктрины о пространстве и времени (соответственно, о геометрии и арифметике), называя, правда, при этом интуицию *чистым наглядным представлением*.

На этот же путь, кстати, ступают и многие математики, когда они считают интуитивно истинными некоторые свои общие аксиомы или теоремы.

Однако Кант не считал этот интуитивный путь обнаружения априорных синтетических суждений единственным или даже просто основным за пределами математики (геометрии и арифметики).

Несомненная оригинальность Канта в том, что он предложил находить априорные синтетические суждения в более широкой области, чем математика, исследуя *условия возможности опыта*. Не сам опыт, а условия возможности опыта.

Желая подчеркнуть новизну такого метода, Кант придумал ему эпитет *трансцендентальный*.

Так вот, современные эпистемологи, обсуждая кантовские разграничения *аналитическое \ синтетическое, априорное \ апостериорное*, делятся на два лагеря: на тех, кто при этом обсуждении считают допустимым не ссылаться на *трансцендентальный* метод, и на тех, кто так не считают.

Первый лагерь весьма типичен для нынешнего философского климата, второй — нет.

Легко понять, почему именно так обстоит дело, если ясно представить себе некоторые итоги довольно длительных усилий *уточнить* смысл разграничений *аналитическое \ синтетическое* и *априорное \ апостериорное*.

Для моего изложения удобно выделить два таких итога.

Итог № 1. Смысл любого научного высказывания зависит от того, как и в какой научной теории оно употребляется. Поэтому прежде, чем квалифицировать некоторое высказывание как *аналитическое* или *синтетическое*, как *априорное* или *апостериорное*, нужно предварительно

фиксировать научную теорию, в рамках которой оно приобретает свой смысл. Если обозначить эту теорию через h , то удобно интересующие нас характеристики предложения, зависящие от этой теории, обозначать как h -аналитичность или h -синтетичность, как h -априорность или h -апостериорность. Соответствующие им абсолютные (безотносительные к фиксированной теории) характеристики не имеют достаточно определённого содержания, чтобы о них можно было рассуждать прилично.

Итог № 2. Если считать предложениями теории h предложения языка этой теории, то, оказывается, понятие h -аналитического предложения теории h равно по объёму понятию h -априорного предложения этой теории, а понятие h -синтетического предложения теории h — понятию h -апостериорного предложения теории h . Причём всё это устанавливается без всяких ссылок на условия возможности опыта, — опираясь только на уточнение понятия самого опыта как отдельного наблюдения, выразимого в языке теории h .

Учёт этих итогов — решающий фактор в формировании современных позиций по отношению к эпистемологии Канта.

Напрашивается, например, следующий ход мысли.

Согласно первому итогу, кантовские разграничения *аналитическое \ синтетическое* и *априорное \ апостериорное* либо темны, либо должны трактоваться как разграничения h -аналитическое \ h -синтетическое и h -априорное \ h -апостериорное.

И тогда главное эпистемологическое заявление Канта выглядит так: существует теория h такая, что множество h -синтетических предложений теории h и множество h -априорных предложений теории h имеют непустое пересечение. Согласно второму итогу, такое утверждение ложно.

Причём оно ложно независимо от того, каковы условия возможности опыта.

Следовательно, если Кант считает, что его трансцендентальный метод

приводит к ожидаемому им эффекту, то здесь Кант неизбежно что-то путает. Причём эта путаница не может быть устранена — *с благоприятным для Канта результатом* — за счёт любых уточнений условий возможности отдельных наблюдений. В этом смысле кантовская идея трансцендентального метода не поддаётся приемлемому уточнению.

Таким образом, в соответствии с излагаемым ходом мысли кантовская эпистемология *и* ошибочна (в одной части), *и* безнадежно темна (в другой части).

Этот или близкий к этому ход рассуждений типичен для большинства нынешних авторов, пишущих о Канте, и они-то и составляют первый из двух ранее упомянутых лагерей современных эпистемологов.

Более осторожную позицию занимают те, кто составляют второй лагерь.

Они подчёркивают, что термин «опыт» не всегда обозначает у Канта отдельное наблюдение, а, следовательно, и тесно связанное с ним понятие априорности, возможно, не всегда разумно уточнять как «*h*-априорность».

Более того, при этом и само понятие научного знания, возможно, не всегда следует уточнять так, как это обычно делается, — в виде отдельной научной теории *h*.

В конце концов, не исключено, что отмечаемые почти всеми комментаторами неоднозначности кантовской эпистемологической терминологии — вовсе не сбой кантовской мысли, а преднамеренные шаги.

Шаги, имеющие целью указать на то, что научное знание — это нечто вроде «изделия двойного назначения». Например, научное знание — это *и* научная теория в обычном современном понимании, *и* способ формулировать какие-то осмысленные вопросы и искать ответы на них.

Причём опять-таки не исключено, что эти две функции, совмещённые в

одном научном исследовании, могут находиться друг с другом в очень разных отношениях — от гармонии до конфликта.

Словом, члены рассматриваемой немногочисленной группы философов (Дитер Хенрих, Патриция Китчер, Дёрк Перебум, если называть крупные имена) призывают шире исследовать подобные возможности и даже намечают здесь некоторые конкретные пути.

В частности, Патриция Китчер в одной из недавних своих работ приписывает Канту альтернативное к обычному понимание и «опыта», и «условий возможности опыта».

Предварительно заметив, что «Кант имеет дело с когнитивным — в противоположность спортивному или сексуальному — опытом», она далее заявляет, что, «когда Кант ссылается на возможность опыта вообще, он ссылается на различные *задачи*, которые составляют весь наш когнитивный репертуар».

Китчер считает, что Кант в роли эпистемолога изучает, наряду с прочим, необходимые условия осмысленности тех или иных конкретных когнитивных задач. Такое изучение и является, согласно Китчер, тем, что называется «трансцендентальным методом».

Упомянутый «когнитивный репертуар», а потому и «трансцендентальный метод» Китчер полагает нужным описывать в терминах психологии. Отсюда понятно, что её прочтение Канта, какими бы достоинствами в других отношениях оно ни обладало, обречено всё-таки на изрядную размытость при нынешнем уровне развития психологии.

Никаких других *более точных* истолкований трансцендентального метода Канта в этой группе философов пока не предложено.

Между тем, одно такое прочтение можно извлечь, — как я уже сказал в преамбуле, — из так называемого «нового подхода» к основаниям

математики Ю.Л. Ершова.

Опуская трудно воспринимаемые на слух технические детали, я попытаюсь передать саму идею нового прочтения Канта с помощью простейшего примера.

Предположим, что Иван поглощён проблемой: любит его Марья или нет? Тогда независимо от того, как обстоит дело фактически, Иван *обязан* считать истинным утверждение, что Марья обладает сознанием.

Ибо, как только Иван допускает мысль, что Марья ничего не сознаёт, он сразу теряет интерес к своей проблеме. Можно также сказать, что проблема теряет для него тот смысл, который делал её захватывающей дух. Можно также сказать, что имеет место подмена одной проблемы (интересной) другой проблемой (не ясно, какой именно, но ясно, что не интересной в прежнем смысле).

Таким образом, *если уж* (подчёркиваю: *если уж*) Иван озадачен всё-таки именно *первоначальной* проблемой, то ему, *вне зависимости* от каких-либо эмпирических или других привходящих обстоятельств, *нельзя* сомневаться в утверждении, что Марья имеет сознание, и, следовательно, это утверждение *выглядит* для Ивана истинным *a priori*.

С другой стороны, очевидно, что оно *выглядит* для Ивана также и *синтетическим*, ибо Иван сохраняет логическую возможность его отрицать — вместе с потерей интереса к своей проблеме, конечно.

Ситуация своеобразная: *вообще-то* Иван *может* сомневаться в том, что Марья обладает сознанием, *но не тогда, когда* он озадачен тем, чем озадачен. Речь, стало быть, идёт о том, что *этический* выбор Ивана, т.е. выбор *цели* исследования (выбор *проблемы*, или *задачи*), предопределяет в чём-то его *эпистемологическую* установку — необходимость считать определённое синтетическое высказывание истинным.

Причём вовсе нет необходимости предполагать, что *выбор* проблемы в свою очередь определяется какими-то эпистемологическими соображениями.

Напротив, допустимо или даже естественно предполагать, что Иван здесь подобен Пигмалиону, который, как известно, влюбился в Галатею отнюдь не по эпистемологическим причинам — совсем не потому, например, что был *уверен* в её одушевлённости.

А раз так, то *источником* априорного знания, знания, которым, как вынужден считать Иван, он располагает, служит сама *формулировка* интересующей Ивана проблемы.

Вопрос: *на самом ли деле* рассматриваемое синтетическое утверждение является априорным или оно только *выглядит* таковым для Ивана?

Ответ: в данном случае *выглядеть* и *являться на самом деле* — одно и то же.

Это становится более или менее ясным, если учесть, что или вопрос звучит как-то не до конца осмысленным, или его можно переформулировать: не делает ли Иван познавательной *ошибки*, относясь ко всему так, как он *логически вынужден* относиться, озаботившись именно той проблемой, которой он *фактически* озаботился?

Преыдущие рассуждения показывают, что не делает, и что, напротив, сделал бы, если бы отнёсся к рассматриваемому утверждению иначе.

В конце концов, можно было бы вообще с самого начала заметить: любой вопрос о том, истинно ли некоторое конкретное утверждение *X*, носит не риторический характер *только* в том случае, когда есть цель, ради которой он (вопрос) задаётся.

Но тогда его реальный смысл заключается в том, чтобы на самом деле спросить: есть ли что-либо, что *заставляет* нас — именно в ходе достижения цели — относиться к *X* так, как мы привыкли относиться к слову «истинное».

Если это упомянутое «что-либо» — наблюдение, то мы говорим, что *X* является истинным *a posteriori*. Если — *не* наблюдение, то мы говорим, что *X* является истинным *a priori*.

Следуя этому словоупотреблению, мы с самого начала должны были бы отказаться от скрытого предубеждения, что всякое априорно истинное утверждение остаётся таковым всегда и везде — лишь бы сохранялся язык утверждения вместе со своим истолкованием.

В том-то как раз и дело, что это *не* так. Априорная истинность *относительна* — она зависит от *целевого* контекста.

Утверждение, что Марья обладает сознанием, априорно истинно в целевом контексте озабоченности Ивана упомянутой проблемой, и оно же, сформулированное в том же самом языке с тем же самым истолкованием, вовсе не обязано быть априорно истинным в каком-либо другом целевом контексте, например, в контексте проблемы: сплела Марья лапти или нет?

Учёт этого обстоятельства — существенная характеристика познавательных устремлений Ивана в рассматриваемой ситуации.

Приведённый пример — *частная* иллюстрация специфической зависимости между выбором задачи и эпистемологическими установками в познании.

Квинтэссенция трансцендентального метода в новом прочтении заключается в указании на то, что подобная зависимость *присутствует*, должна *учитываться* и может *использоваться* в любом научном исследовании.

Описание этой зависимости в *общем* виде предполагает установление точного смысла таких понятий, как «научная проблема», «постановка научной проблемы», «решение научной проблемы» и т.д.

Оно предполагает также установление некоторых точных отношений между этими понятиями.

Всё это содержится в готовом виде в «новом подходе» Ершова.

В этом смысле я говорю, что обещанное новое прочтение Канта легко извлекаемо из указанного подхода к основаниям математики.

В этом же смысле оправданно и название моего выступления.

Итак, каково резюме?

Согласно предлагаемому новому прочтению трансцендентальной эпистемологии Канта, научно-познавательная деятельность человека по самой своей природе развивается таким образом, что прежде, чем приступить к поискам решения какой-либо проблемы, надо, как минимум, понять саму проблему.

Но *понять* проблему — это уже кое-что *утверждать*. Хотя бы утверждать то, что в результате предпринимаемого исследования требуется узнать *то-то и то-то*, а не нечто другое.

А это значит, что точная (недвусмысленная) формулировка любой проблемы предполагает принятие в качестве отправных пунктов исследования некоторых утверждений, сомневаться в которых нельзя потому, что они — *условия осмысленности* самой проблемы.

Когда в этих утверждениях сомневаются, проблема дискредитируется — теряет своё первоначальное придававшее ей интерес содержание.

Поэтому, осуществляя окончательный выбор проблемы для исследования, мы ожидаем получить в результате этого выбора ряд сведений, не подлежащих сомнению именно потому, что мы хотим иметь дело как раз с *этой, а не иной* проблемой.

Более того, нам, вообще говоря, ничто не препятствует полученные таким путём «принудительно несомненные» сведения использовать не только для понимания, но и для решения проблемы.

В этом — ценность трансцендентального метода.

Вместе с тем очевидно, однако, что трансцендентальный метод *оставляет в тени* и, одновременно, *делает актуальной* другую — также существенную для полного представления о познании, но не эпистемологическую — тему.

Тему о том, существуют ли и, если существуют, то каковы *причины, мотивы* или иного рода общие *принципы*, обязывающие нас или позволяющие нам интересоваться в конкретных обстоятельствах конкретными проблемами. Тему, принадлежащую так называемым «практическим» философским дисциплинам — этике и эстетике.

В этой связи представляется естественным, что Кант после «Критики чистого разума» — основного своего гносеологического труда — написал ещё две «Критики». «Критику практического разума», посвящённую этике, и «Критику способности суждения», посвящённую эстетике.

Было бы интересно исследовать, в какой мере анализ условий осмысленности задач, осуществлённый в новом подходе Ершова, мог бы пригодиться для возведения некоторой части этической и эстетической кантовской проблематики на технически современный фундамент — на нечто вроде логики или аксиоматической теории *целеполагания*.

Литература

1. **Нельсон Л.** Замечания о неевклидовой геометрии и о происхождении математической достоверности // *Новые идеи в математике*. Сб. восьмой. — СПб., 1914. — С. 1-30.
1. **Кант И.** Критика чистого разума. — СПб.: «Тайм-аут», 1993.
1. **Он же.** Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука. Сочинения в шести томах, т. 4(1). — М.: «Мысль», 1965.

1. **Kitcher P.** Revisiting Kant's Epistemology: Skepticism, Apriority, and Psychologism // *Noûs* 29:3 (1995) 285-315.
1. **Гончаров С.С., Ершов Ю.Л., Самохвалов К.Ф.** Введение в логику и методологию науки. — М.: Интерпракс, 1994.
1. **Henrich D.** Kant's Notion of a Deduction and the Methodological Background of the First Critique // Förster E. Ed., *Kant's Transcendental Deductions*. — Stanford: Stanford University Press, 1989.
1. **Pereboom D.** Kant on Justification in Transcendental Philosophy // *Synthese* 85: (1990) 25-54.
1. **Ершов Ю.Л., Самохвалов К.Ф.** О новом подходе к философии математики // *Структурный анализ символьных последовательностей*. — Новосибирск, 1984. Вып. 101: Вычислительные системы. — С. 141-148.
1. **Они же.** О новом подходе к методологии математики // *Закономерности развития современной математики*. — М.: Наука, 1987. — С. 85- 106.